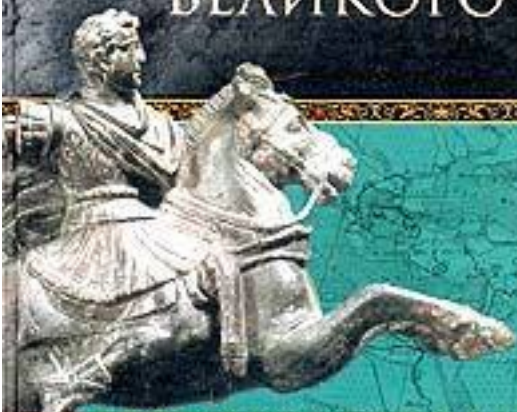

ДЖОН ФУЛЛЕР

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО
АЛЕКСАНДРА
ВЕЛИКОГО

• • • • •

Джон Фуллер

Военное искусство Александра Великого

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613475

Военное искусство Александра Великого / Пер. Н.А. Поздняковой.:

Центрполиграф; М.; 2003

ISBN 5-9524-0606-8

Аннотация

В книге военного историка Дж. Фуллера на основе богатого наследия философов, литераторов и полководцев воссоздается история не имеющих аналогов военных кампаний Александра Македонского. Схемы баталий, описание технического оснащения и вооружения войск стран Древнего мира иллюстрируют тактические и стратегические задачи знаменитых полководцев Античности. Образно и ярко автор передает блеск и славу Александра Великого, талантливого полководца и государственного деятеля IV века до нашей эры.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	12
Глава 1	12
Упадок городов-государств	12
Реформы философов	19
Филипп II Македонский	25
Амфиполь[21] и 1-я Священная война	33
Панэллинская программа Исократы	42
Византий и 2-я Священная война	45
Коринфский конгресс	51
Глава 2	56
Военное дело греков до Филиппа	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джон Фуллер

Военное искусство

Александра Великого

Деятельность его была одной из самых плодотворных в человеческой истории. Он вывел цивилизованный мир на новый путь развития, положил начало новой эпохе; теперь уже ничто не могло оставаться по-старому.

Сэр Уильям Тарн

Весь последующий ход мировой истории, политику и культуру позднейших времен невозможно понять без деяний Александра.

Ульрих Вилькен

Предисловие

Впервые я заинтересовался личностью Александра Великого после того, как, проходя в 1917 г. службу во Франции, в главном штабе недавно созданного танкового корпуса, прочел два тома из серии «Великие полководцы» полковника Теодора А. Доджа. Меня поразило, насколько современно выглядели военные кампании Александра и сколь полезен мог оказаться его военный опыт при разработке тактики и

стратегии танковой войны. Когда в 1923 г. я стал инструктором колледжа Кемберли и в мои обязанности входило чтение курса лекций по военной истории, то вместо того, чтобы разбирать отдельные военные кампании последней войны или военную тактику Стоунуолла Джексона, которая считалась основным учебным материалом примерно с 1900 г., я решил, что если мои студенты должны получить некий багаж знаний, который пригодится им в будущей войне, то ничего лучше, чем разбор военных походов Александра Македонского, для этой цели не найти. Результатом стал курс из двадцати лекций, как я теперь опасаюсь, крайне дилетантских, поскольку другие мои обязанности не позволили мне привлечь для анализа какие-либо иные источники, кроме книг Доджа и «Похода Александра» Арриана. Тема показалась мне настолько интересной и ошеломляюще современной, что в 1925 г. я решился предпринять дополнительные исследования и написать книгу об Александре, но не его биографию, которых уже много было написано, а аналитический разбор его военного искусства, которому, насколько мне известно, до той поры – да и по сей день – не было посвящено ни одного исследования. То обстоятельство, что я не мог приступить к выполнению этой задачи до недавнего времени, сыграло положительную роль, поскольку с 1925 г. появилось много новых работ самого высокого уровня.

Независимо от того, является ли мой читатель специалистом по классической древности или, как и я, просто истори-

ком-любителем, его наверняка поразит тот факт, что, в отличие от Юлия Цезаря, чья жизнь и деяния известны нам из его собственных «Записок о галльской войне», из сочинений Цицерона и других античных авторов, когда речь заходит об Александре, мы практически не располагаем сведениями из первых уст. До нас дошли несколько приписываемых ему высказываний и посланий, некоторые из которых признаются подлинными, другие – вызывают сомнения, однако, если не считать немногочисленных комментариев и отдельных фрагментов, в течение трехсотлетнего периода, с момента его смерти и до времени поздней Римской республики и ранней Римской империи, когда он снова вошел в моду, мы не находим об Александре никаких письменных свидетельств. Из поздних источников мы располагаем сочинениями Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), Плутарха (II в. н. э.), Руфа Курция (I–II вв. н. э.) и Арриана (II в. н. э.). Последний труд для нас особенно ценен, поскольку Арриан основывался на утраченной истории Птолемея – одного из выдающихся полководцев Александра, который, в свою очередь, пользовался *Ephemerides* (Официальными бюллетенями), а также на произведениях географа Аристубула – одного из главных механиков Александра.

В ранний период, помимо трудов Птолемея и Аристубула, появились и другие сочинения, от которых до нас дошли только фрагменты. Большинство их авторов принадлежали к школе перипатетиков (аристотелевской) или стоиков:

первые ненавидели Александра за то, что тот приговорил к смерти их официального историка Каллисфена, племянника Аристотеля; вторым был отвратителен сам тип «тирана», столь далекий от их идеала мудреца и благородного правителя. Из-за предубежденности этих историков истинная личность Александра на долгие века была искажена и скрыта за фальшивыми домыслами, и лишь недавно, в основном благодаря сэру Уильяму Тарну, туман стал рассеиваться. По моему мнению, Тарн был одним из самых аккуратных и дотошных исследователей эпохи Александра, – потому с одобрения ученых-антиковедов, с которыми я консультировался, я взял за основу его работы. Как мне известно, не все специалисты согласны с его выводами; однако я – не специалист, и, равно как профессионалы вольны между собой спорить, я, как историк-любитель, посчитал более правильным принять определенную точку зрения, а не обсуждать аргументы разных исследователей, о правильности которых я не могу судить.

В связи с этим следует обсудить и вопрос о достоверности источников. Как хорошо известно многим офицерам, часто газетные сообщения о проведенной военной операции имеют мало общего с тем, что происходило в действительности. То же можно сказать и о Голубой книге и вообще официальной истории, которая путем тщательного отбора материала может совершенно исказить истину. И при том, что так трудно узнать правду из современных нам документов,

сколь же безнадежной кажется задача исследователя, пусть самого знающего и добросовестного, пытающегося восстановить истину, пользуясь не раз переписанными сообщениями о событиях, случившихся за две тысячи лет до его появления на свет. Это не значит, что он не может в некоторых случаях доказать, что такое-то утверждение ошибочно или малодостоверно, что оно является позднейшей вставкой или преследовало пропагандистские цели; однако, когда надежный источник, такой, как, скажем, Арриан, пишет, что Александр сделал то-то и то-то или сказал то-то и то-то, что кажется маловероятным, самая надежная проверка – это сопоставить сообщение с тем, что нам известно о личности и деяниях Александра, и решить, насколько оно соответствует образу, вместо того чтобы выяснять, заслуживают или не заслуживают доверия использованные Аррианом свидетельства. Иногда даже ненадежные исторические источники абсолютно точны. Здесь я хочу отослать читателя к рассуждениям профессора Т. Райса-Холмса об «источниках наших источников» в первом томе его труда «Римская республика и становление империи».

К счастью, поскольку речь пойдет о военном искусстве Александра, мне не придется слишком уж углубляться в первоисточники. Искусство ведения войны – по сути своей – во времена Александра было таким же, как и в наши дни, что, я надеюсь, станет совершенно ясно из главы 10, и, если я не в состоянии подтвердить правоту того или иного античного

автора, я, во всяком случае, могу судить о военном таланте Александра, исходя из критерия внутреннего правдоподобия, и таким образом восполнить нехватку тактических и других подробностей в классических историях, связанную с тем, что у этих авторов не было карт, оперативных планов и сообщений с мест сражений. Разумеется, точность здесь не гарантирована; но я полагаю, что определить характер и степень талантливости полководца, его цель, задачи и условия ведения войны можно с большой степенью вероятности, если попытаться восстановить события, которые произошли 2000 лет назад.

Я разделил эту книгу на две части, «Изложение фактов» и «Анализ», хотя это привело к неизбежным повторам. Часть I представляет собой сжатое изложение карьеры Александра как государственного деятеля и полководца на историческом фоне; в части II довольно подробно анализируются великие сражения, осады и маленькие войны Александра. В результате ему дается оценка и как государственному деятелю, и как полководцу. Я полагаю, что если бы подобные книги были написаны хотя бы о половине знаменитых полководцев, а затем собраны в один том, то он стал бы бесценным учебником военного искусства. Удивительно, что этого до сих пор не сделали, ведь еще в начале XIX в. Наполеон настаивал на том, чтобы все офицеры, мечтающие стать удачливыми военачальниками, читали и перечитывали описания военных походов и ставили себя на место Александра, Ганнибала, Це-

заря, Густава-Адольфа, Тюренна, Евгения и Фридриха. Это, говорил он, единственный способ стать великим полководцем и постичь секреты военного дела. Желая заострить внимание на этом, в конце книги я поместил эпилог о ценности истории, в котором попытался показать, что, если бы государственные деятели и главнокомандующие были знакомы с историей Греции IV в. до н. э., ряда грубых ошибок, допущенных во Второй мировой войне, возможно было бы избежать.

В заключение хотелось бы сделать два дополнительных замечания. Первое: я воспользовался двумя английскими переводами произведения Арриана «Поход Александра», один принадлежит Эдварду Джеймсу Чинноку и выпущен в серии «Бонс Классикл Лайбрэри», второй – недавно вышедший перевод преподобного Иллифа Робсона в «Лёб Классикл Лайбрэри». Поскольку в этой серии еще не опубликован перевод XVII книги Диодора Сицилийского, то, цитируя этого автора, я пользовался изданным в 1814 г. переводом Бута 1780 г., который, как я понимаю, достаточно точен. И второе. Там, где я счел необходимым переводить стоимость с античных денежных эквивалентов на английские фунты, я пользовался курсом 1913 г., поскольку, как оценить реальную нынешнюю стоимость фунта, – непонятно, а что будет завтра – не известно никому. Опять-таки я хочу отослать читателя к главе «Эквиваленты наших денежных единиц сестерцию, денарию и таланту», в I томе труда Райса-Холмса.

Наконец, я хотел бы поблагодарить м-ра Дж. П.В.Д. Белсдона, члена совета колледжа Эксетер, Оксфорд, который любезно согласился прочесть рукопись и сделал ряд ценных замечаний, за что я ему искренно признателен; м-ра Энтони С.Ф. Риппона за тщательную подготовку рукописи к печати; бригадира Дж. Ж. Брауна, который в 1928 г. организовал аэрофотосъемку деревни и горы Керамлис; бригадира Назира Али Шара и его племянника бригадира Вахида Хейдара из пакистанской армии, которые сделали для меня фотографии с воздуха Пир-сара; и, наконец, Совет Эллинского общества за их любезное разрешение воспроизвести серебряную тетрадрахму Лисимаха (ок. 355–281 гг. до н. э.) с изображением головы Александра на фронтисписе. Его профиль предположительно взят со скульптурного изображения работы Лисиппа или с портрета на гемме Пирготела.

Дж. Ф.С. Фуллер

Часть первая

Изложение фактов

Глава 1

Исторический фон

Упадок городов-государств

Когда племена, предположительно индоевропейского происхождения, которые стали известны в истории как греки, в результате миграции пересекли горные Балканы и осели в наиболее плодородных их долинах, они образовали там отдельные земледельческие сообщества, практически не связанные друг с другом. Поначалу племенные поселения концентрировались вокруг укрепленного места жительства вождя – акрополя; позже в целях безопасности и сами эти поселения стали обносить стеной: таким образом вместе с акрополем они превращались в укрепленные города. Так возникли города-государства, или полисы, отдельных маленьких народностей¹; гражданство в них обычно предостав-

---

¹ На одном только Крите было более пятидесяти мелких городов-государств.

лялось лишь потомкам первопоселенцев: граждане владели собственностью, пользовались всеми политическими правами и исполняли воинские обязанности. В героическую эпоху общество в основе своей оставалось племенным и клановым: «Воинов, Атрид, ты раздели на их племена и колена; Пусть помогает колено колену и племени племю»².

Каждый город был независимым образованием, со своим царем, законами, войском и богами, и каждый гражданин должен был хранить верность своему городу, и никакому другому. Исключением из общего правила были четыре региона, более-менее единые и географически: Спарта и Аргос вместе занимали значительную часть Пелопоннеса; на полуострове Аттика Афины вобрали в себя мелкие города-государства; а в Беотии отдельные города-государства хотя и не вошли в состав Фив, но попали под их власть.

Политическое устройство полисов Гомеровской эпохи было следующим: царь, как вождь племени, возглавлял совет старейшин, и его решения выносились на обсуждение ассамблеи, или народного собрания, для ратификации. Царь был и верховным жрецом, и верховным судьей, и верховным главнокомандующим; он возводил свой род к богам, и его охраняла личная стража, подобно тому как в более поздние времена датских и англосаксонских королей охраняли их дружинники.

Политическая жизнь греческих городов представляла со-

---

² Илиада. II, 362. (Пер. Н.И. Гнедича.)

бой череду нескончаемых войн, или внутренних усобиц (stasis). Платон замечает³, что столкновения между полисами были в основном обусловлены перенаселением, хотя временами проблема решалась за счет эмиграции в новые места поселений. Главной движущей силой служили личное честолюбие и зависть, борьба соперничающих группировок, грабежи и соперничество на море. В VII в. до н. э. поэт Архилох описал морских пиратов, которые всю жизнь проводят, не расставаясь с оружием⁴.

Поскольку граждане постоянно воевали, у них не оставалось времени для мирных дел, которые были возложены на слуг, рабов и метеков (чужаков). Два основных класса общества составляли граждане-воины и земледельцы, знать и крестьяне, и борьба между ними занимала важное место в общественной жизни города. После VIII в. до н. э., когда республиканский строй пришел на смену клановой монархии, в результате классовой борьбы были выработаны те формы правления, которые обычно приходят на память в связи с греческими городами-государствами, – аристократия, олигархия, демократия и тирания; следует заметить, что за исключением Спарты, где было принято двойное монархиче-

---

³ Государство. II. 372–373. Ср. Гоббс в «Левиафане» (2, гл. 30): «И когда весь мир будет переполнен, тогда последним средством для всех останется воевать; что для каждого означает торжество Смерти».

⁴ Из книги Уильяма Реджиналда Холлидея «Возникновение полиса». 1923. С. 47.

ское правление⁵, ни в одном эллинском полисе эти формы не были устойчивыми.

Города ничто не связывало, кроме общего языка и больших атлетических праздников, проводившихся под религиозными ауспигиями и открытых для всех греков. Из них самыми значительными были Олимпийские игры, учрежденные в VIII в. до н. э. и проходившие каждые четыре года в честь Зевса Олимпийского, а также Пифийские игры в честь Аполлона Дельфийского, которые в начале VI в. до н. э. перешли в ведение Амфикионского совета⁶. Лишь общая угроза в лице персов, которая развеялась при Ксерксе (485–465 гг. до н. э.) после сражений при Саламине и Платеях в 480 г. и 479 г. до н. э., отчасти пробудила патриотические чувства и обусловила подъем Афинской империи, пробудив периклианские грезы об объединении. Во время Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.) эта империя была уничтожена, а политика, направленная на объединение, потерпела крах, поскольку, по выражению сэра Эрнста Баркера, и Афины, и их союзники, привыкшие мыслить в рамках города-государства, не могли подняться до создания большого государства, выходящего за границы города и объединенного общим для всех гражданством, поскольку для афинян гражданство

---

⁵ Аристотель («Полития», 1285а) описывает царей как наследных верховных полководцев.

⁶ Дельфийский Амфикион был поначалу союзом двенадцати древнегреческих триб, обитающих вокруг Фермопил.

с необходимостью предполагало афинское происхождение и участие в местной жизни Афин, союзники же, со своей стороны, не могли бы принять этот дар, даже если бы он был предложен, поскольку гражданство их собственного полиса «слишком много для них значило»⁷.

Пелопоннесская война, в которой участвовали почти все греческие полисы, имела катастрофические последствия для политической жизни Эллады. Распад Афинской империи нарушил баланс сил между Грецией и Персией, и в 386 г. до н. э. создание союза между Персией и Спартой стало последней каплей, приведшей к заключению позорного мира Анталкидов, продиктованного греческим государствам персидским царем Артаксерксом II (404–358 гг. до н. э.). По условиям этого договора греческие города Малой Азии и Кипр переходили под владычество Персии, признавалось главенство Спарты внутри Греции, и любой город, не принявший условий этого мира, испытывал жесткое давление со стороны Персии, принуждавшей его в итоге сдаться. Таким образом великий царь стал верховным авторитетом в Греции с правом вмешательства в ее внутренние дела.

---

⁷ Кембриджская история Древнего мира. Т. VI. С. 506. См. также сноску: «Общее гражданство заражало религиозное сознание всех заинтересованных лиц (ибо культ полиса был настоящей религией) «невыносимым монотеизмом». Политический политеизм был греческим верованием; и это верование сокрушило Афинскую империю. Любопытно отметить, что как религия (религиозный культ города) осталась на руинах Афинской империи, так же религия (в смысле общего поклонения всех городов обожествленным правителям) стала основой империи Александра среди греков.

Одновременно «Тридцатилетняя война» эллинской эпохи посеяла семена раздора внутри городов-государств. Она подорвала сельскохозяйственное производство в Аттике и превратила тысячи земледельцев в безработных, а кроме того, в результате длительной войны знать, основа городской системы, постоянно находясь на военной службе, превратилась, по сути, в профессиональных военных. Хотя отчаянные греческие воины и пираты задолго до персидского вторжения⁸ поступали на службу к иностранным правителям, а ранние греческие тираны приглашали наемников в качестве личной стражи, до Пелопоннесской войны не могло идти речи о столь массовом их использовании. В начале IV в. до н. э. обычное греческое городское ополчение настолько уступало профессиональным наемникам, что последние стали основной силой в любых войнах среди греков. Отсюда вытекало два следствия: первое – наемники не чувствовали себя обязанными ни одному городу-государству, они служили тому, кто больше платил, и следовательно, с их помощью демократию легко можно было превратить в автократию; и второе – их качества так ценились, что в IV в. до н. э. пехота персидской армии по большей части состояла из греческих наемников. Для военного похода против своего старшего брата Артаксеркса II в 401 г. до н. э. Кир Младший набрал 13 тыс. греческих наемников, из которых больше половины составляли

---

⁸ См. Геродот. II. О наемниках Псамметиха, фараона Египта (671–617 гг. до н. э.).

гонимые нищетой выходцы из Аркадии и Ахайи⁹. После поражения при Кунаксе остатки его войска отошли к Троаде под командованием Ксенофонта, «и от них, – пишет сэр Уильям Тарн, – ведет начало институт немислимый в рамках отдельного полиса – институт наемников»¹⁰.

Фукидид сообщает, что, когда разразилась Пелопоннесская война, афинские граждане как один были готовы переносить опасности, лишения и нужду во славу Афин. У него коринфяне так отзываются об афинянах: «Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его» (История. 1. 70. Пер. Г. Стратановского). Однако по мере того, как защита городов все больше переходила в руки наемников, простые граждане начинали рассматривать военную службу как обузу; они становились все более мирными и посвящали себя другим занятиям, приносящим прибыль. Перемена в настроениях была настолько разительна, что для того, чтобы гарантировать наличие кворума афинских граждан в народном собрании, была установлена плата для каждого присутствовавшего, а чтобы ублажить безработных, им предоставляли бесплатные

---

⁹ Ксенофонт. Анабасис.

¹⁰ Развитие военного и морского дела у эллинов. 1930. С. 10. См. также Гроут. История Греции. 1905. Т. IX. С. 274.

места в театре. «Город перестал быть воплощением высоких достижений и благородства, – пишет сэр Эрнст Баркер, – он стал коммерческой структурой, распределявшей среди своих членов дивиденды, которые те не заработали»¹¹.

Реформы философов

Моральный упадок городов-государств в соединении с разрушительными последствиями бесконечных междоусобных войн вызывали недовольство греков. Это недовольство нашло свой выход в деятельности софистов, чьи умствования, подобно построениям Вольтера, Руссо, Канта и других европейских философов XVIII в., положили начало просвещению, которое не возродило, но лишь испортило те крохи, которые еще оставались от прежнего государственного устройства. Наиболее выдающимися из реформаторов были Сократ (469–399 гг. до н. э.), Платон (420–347 гг. до н. э.) и Аристотель (384–322 гг. до н. э.).

Эти философы не могли понять, что проблема была не в том, чтобы реформировать устройство полиса в соответ-

---

¹¹ Кембриджская история Древнего мира. Т. VI. С. 511. См. также Гроут. Т. IX. С. 272–274. Ср. в пьесе Аристофана «Женщины в народном собрании» (204–205), поставленной в 393 г. до н. э.: «Но вы во всем повинны, граждане! Кошель народный отдали чиновникам, и каждый о своей лишь помнит прибыли» (пер. А. Пиотровского). В 383 г. до н. э. Спарта обнаружила у своих союзников такое равнодушие к военной службе, что вынуждена была согласиться оплачивать их службу, платя по 3 оболы каждому пехотинцу и 12 оболы – каждому всаднику (Ксенофонт. Эллин. V).

ствии с идеальным архетипом, а в том, расширять границы города до тех пор, пока он не вберет в себя все греческие государства, другими словами, создать эллинское единство и братство. О Сократе, не оставившем письменных сочинений, мы знаем лишь со слов Платона, Ксенофонта и Аристофана. Он полагал, что призван свыше для воспитания всех и каждого, и Ксенофонт сообщает, что он, так же как Жанна д'Арк, слышал божественные голоса (Ксенофон т. Воспоминания о Сократе. 1). Его скучная диалектика вопросов и ответов, должно быть, смутила умы не одного его слушателя, и если диалоги Платона верно передают мысли Сократа, то у консервативных афинян, безусловно, были причины считать его опасным визионером и развратителем юношества¹².

Когда мы обращаемся к диалогам Платона «Государство» и «Законы», мы видим идеальный образец архетипического устройства города-государства по Сократу, на следование которому должны быть направлены все реформы. Это учение, которое можно сравнить со смесью идей Кальвина, Робеспьера, Маркса и Ленина и назвать «трансцендентальным большевизмом», вероятно, вызвало такую же неприязнь у афинских приверженцев демократии V–IV вв. до н. э., как марксистский большевизм у западных демократов в наши дни.

В этом идеальном самодостаточном, самоконтролируе-

---

¹² Несмотря на то что «Облака» Аристофана выводят его в карикатурном виде, они, по-видимому, отражали определенные умонастроения публики.

мом государстве граждане разделены на два класса: правители и управляемые. В число первых, называемых «стражами», входят философы и военные, причем женщины¹³ наравне с мужчинами; вторые – труженики, ремесленники и слуги – лишены права голоса. Чтобы полностью посвятить себя служению справедливости, стражи не имеют собственности, живут за счет общества, питаются за общим столом, не имеют денег и содержатся трудящимся населением. Их жены и дети также содержатся за счет общества; браки строго регулируются, ребенок не знает ни отца, ни матери, чтобы государство могло быть единой семьей¹⁴.

Простым людям не давалось никакого выбора; их браки – для мужчин в возрасте тридцати – тридцати пяти лет, для женщин – в возрасте от шестнадцати до двадцати, – контролировались женским советом, так, чтобы прирост населения постоянно оставался на одном уровне, и неравные браки

---

¹³ Точка зрения Платона на женщин заслуживает внимания. Он пишет, что «разница между мужчиной и женщиной в том, что существо женского пола рождает, а существо мужского пола оплодотворяет», а затем добавляет: «Это вовсе не доказывает отличия женщины от мужчины в отношении к тому, о чем мы говорим. Напротив, мы будем продолжать думать, что у нас и стражи, и их жены должны заниматься одним и тем же делом» (пер. А.Н. Егунова). Также необычен его взгляд на воспитание детей: «С самых ранних лет нужно сажать детей на коня, а когда они научатся ездить верхом, брать их для наблюдения войны; таким образом дети всего лучше присмотрятся к военному делу, а если понадобится, наверняка спасутся, следуя за старшими наставниками» (пер. А.Н. Егунова) (там же, V).

¹⁴ Такое коммунистическое устройство пародирует Аристофан в комедии «Женщины в народном собрании».

строжайше запрещались. Учреждался Ночной совет – своего рода Комитет общественного спасения, и наблюдатели за соблюдением законов – род тайной полиции, – в чьи задачи входило отлавливать еретиков. Доносительство должно было быть повсеместным, и обо всех нарушениях следовало сообщать властям. Также мы читаем: «Кто по мере сил содействует правителям в осуществлении наказаний, тот человек совершенный и великий для государства» (Законы. V, 730. Пер. А.Н. Егунова).

Законы этого идеального государства запрещали гражданам выезжать за пределы своего государства до сорока лет, а затем только по разрешению. «Вернувшись на родину, эти люди укажут молодым, что законы, определяющие государственный строй иных государств, уступают нашим» (там же. XII. Пер. А.Н. Егунова). Никто не должен был пить вино, поэты не могли распространять стихи, не одобренные наблюдателями, запрещалось ростовщичество, нельзя было вывозить валюту государства, ни один гражданин не вправе был держать какие-либо святыни в своем жилище, а ошибочные верования относительно Бога и невидимого мира рассматривались как преступление, и те, кто их придерживаются, подвергаются наказанию.

Цель Платона была жесткой – сделать всех людей благи́ми, в том смысле, в каком он понимал благо. Цель оправдывала средства; цель была главной; государство существовало лишь для того, чтобы превратить город в идеальный мура-

вейник.

Лишь когда Платон рассуждает о варварах, он признает существование сообщества: «Я утверждаю, что все эллины близкие друг другу люди и состоят между собою в родстве, а для варваров они – иноземцы и чужаки. Значит, если эллины сражаются с варварами, а варвары с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги, и эту их вражду надо называть войной. Когда же нечто подобное происходит между эллинами, надо сказать, что по природе своей они друзья, но Эллада в этом случае больна и в ней царит междоусобица, и такую войну следует именовать раздором»¹⁵ (пер. А.Н. Егунова).

Аристотель высказывается более умеренно. Он твердо верит в то, что жизнь греков должна происходить в полисах, но выступает как сторонник реформ, а не революционных перемен. Он отвергает коммунизм Платона как неприемлемый, однако вместе с тем утверждает, что «ни один гражданин не должен заниматься ремеслом или торговлей, поскольку эти занятия неблагородны и разрушительны по отношению к доблести; также не должен он быть и землепашцем, поскольку у него должно быть время, чтобы исполнять свое служение государству, а земледельцами должны быть рабы» (Аристотель. Политика. VII). Как и Платон, он пола-

---

¹⁵ Государство. V. Это противоречит Сократову возражению в отношении определения справедливости Симонидом: «Поступать хорошо по отношению к друзьям и плохо – по отношению к врагам» (там же. II).

гает, что варвары – по самой природе рабы и грекам надлежит управлять варварами, поскольку варвар и раб это одно и то же; «поэтому и военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива» (1256б. Пер. С.А. Жебелева).

Ни Платон, ни Аристотель не мыслили категориями космополитическими, зато афинскому памфлетисту Исократу (436–338 гг. до н. э.) выпало на долю указать путь к политическому устройству лучшему, чем город-государство. В 380 г. до н. э., через несколько лет после написания Платоном «Государства», Исократ, желавший согласованности в политике, но не общих законов и институтов, провозгласил в своем «Панегирике», что грекам следует объединяться, руководствуясь скорее не принципом единокровия, а принципом единомыслия. Он призвал Афины и Спарту оставить распри и объединиться против Персии.

«Я здесь для того, чтобы дать вам совет относительно войны против варваров и согласия между нами... Воевать с персидским царем за его царство благородней, чем воевать друг с другом за первенство в Элладе. Мы не сможем радоваться стабильному миру, если не выступим сообща войной против

варваров, и Эллада не может достичь единомыслия, пока мы сообща не объединимся против общего врага и не встретим его лицом к лицу» (И с о к р а т. Панегирик. III).

Призыв Исократ пропал втуне, поскольку он полагал, что лидерство в войне против Персии должны принять на себя Афины, с чем совершенно не согласна была Спарта.

Филипп II Македонский

После того как царский мир освободил Спарту от затруднений в Азии, она вернулась к прежней своей гегемонистской политике в Греции. В 378 г. до н. э. это привело к войне с Фивами, в которой Спарту поддерживали Афины; военные столкновения продолжались до 371 г. до н. э., когда все участники согласились обсудить мирный договор. Однако, поскольку Спарта возражала против того, чтобы Фивы представляли всю Беотию, фиванцы в одностороннем порядке решили продолжать войну, и, если бы не их полководец Эпаминод, они, без сомнения, проиграли бы.

Он был тактическим гением и первый из греческих полководцев понял, насколько важно сконцентрировать ударную силу на одном избранном участке вражеского фронта. Он понимал, что спартанцы слишком консервативны, чтобы изменять традиционной тактике, успех которой зависел от параллельного наступления, – все копья спартанской фаланги одновременно и внезапно ударяли по линии противника, –

поэтому он продумал иную тактическую систему, которая нарушила бы привычный ход сражения и привела вражескую фалангу в замешательство. Идея была проста; вместо того чтобы выстроить свое войско параллельно фаланге спартанцев, он построил его по косо́й: левый фланг был впереди, а правый – отставал. На левом фланге он разместил могучую колонну, которая могла не только выдержать удар, но и ответить более мощным ударом, сохранив достаточно сил, чтобы обойти правый фланг врага и оттеснить его к центру. В июле 371 г. до н. э. он применил эту тактику в битве со спартанцами, одержал над ними решительную победу и убил их предводителя, спартанского царя Клеомброта; сражение происходило при Левктрах на юге Беотии. Это поражение нанесло удар по военному престижу спартанцев и покончило с их недолговременной гегемонией.

До 362 г. до н. э. Фивы могли преуспеть в том, что не удалось Спарте и Афинам: объединить греческие полисы в федерацию. Они построили флот и ослабили мощь Афин на море, а затем при Эпаминоде и Пелопиде стали лидерами в Греции. Однако их превосходство держалось лишь на одном человеке – Эпаминоде. Летом 362 г. до н. э. при Мантинее в Аркадии он вновь одержал победу над спартанцами, применив ту же тактику, которую использовал при Левктрах. Однако победа фиванцев стала началом конца их превосходства, поскольку в конце сражения Эпаминод был убит; угас светильник, который направлял фиванцев, их могущество на

суше и на море истаяло. Таким образом три великих города-государства Греции: Афины, Спарта и Фивы – не сумели создать эллинскую федерацию и Эллада была готова отдаться в руки завоевателя. Его звали Филипп Македонский.

Македония занимала прибрежную равнину вдоль Теплового залива (Фессалоникского залива) между реками Галиакмон и Аксий. Согласно Геродоту (1), дорийское племя, известное под именем македоняне, оккупировало эту территорию, которую прежде занимали иллирийские и фракийские племена, смешалось с ними и тем самым варваризировалось, так что греки не считали его эллинским. У македонян существовали аристократы – землевладельцы и свободные крестьяне, их строй представлял собой примитивную наследственную патриархальную монархию. Хотя некоторые полисные институты были им известны, их установления походили на те, что существовали в Греции еще в героический период. Они были воинственным беспокойным народом, и их цари редко умирали естественной смертью в своих постелях.

В 364 г. до н. э. на македонский трон взошел Пердикка III, а в 359 г. он потерпел поражение от иллирийцев и был убит в одной из частых здесь пограничных войн. Поскольку сын Пердикки Аминта был еще мал, регентом назначили брата Пердикки Филиппа, родившегося в 382 г. до н. э. Смерть Пердикки породила смуту во всей Македонии; было пять возможных претендентов на престол, и варвары пеонийцы и иллирийцы сразу объявились у границ. Филипп на-

столько успешно справился с этой непростой ситуацией, что македонское войско вскоре после вступления его в регентство отстранило малолетнего Аминту и провозгласило Филиппа царем.

В пятнадцатилетнем возрасте Филиппа послали в Фивы в качестве заложника, и, как сообщает Диодор¹⁶, он научился ценить эллинскую культуру под руководством наставника-пифагорейца в доме Эпаминода. Что еще важнее, за эти три года в Фивах благодаря знакомству с Эпаминодом и Пелопидом он постигал фиванское искусство ведения войны.

Филипп был неординарным человеком; практичным, дальновидным и не слишком щепетильным. Он был мастером дипломатии и хитрым политиком, который считал, что успех оправдывает все. При всей его неустрашимости¹⁷ он, однако, в отличие от многих храбрых полководцев, не спешил применять силу, полагая, что подкуп¹⁸, или либерализм, или притворная дружба скорее приведут его к цели. Он с большой долей вероятности мог просчитать, что задумал его

---

¹⁶ Диодор Сицилийский. XVI. Плутарх (Пелопиды. XXVI) говорит, что он жил в Фивах с Памменном.

¹⁷ После его смерти Демосфен сказал о нем: «Когда же я видел, что у самого Филиппа, с которым у нас шла война, в борьбе за власть и господство выбит глаз, сломана ключица, рука, повреждена голень, что он готов пожертвовать любой частью тела, какую только захочет отнять у него судьба, лишь бы только с уцелевшими частями жить в почете и славе» (О венке. 67. Пер. С.И. Радцига).

¹⁸ Диодор (XVI) пишет: «Он заявлял, что свое государство он увеличил скорее с помощью золота, чем с помощью войска».

враг, а когда терпел поражение, учился на своих ошибках и готовился к будущей победе. Всю свою жизнь он держал в голове главную свою цель – подчинить себе всю Грецию. Хогарт¹⁹ так характеризовал его принципы: «перед тем как подчинить, притворись, но в конце концов подчини». После его смерти его главный оппонент Демосфен сказал о нем:

«Во-первых, он распоряжался своими подчиненными сам полновластно, а это в делах войны – самое важное из всего. Затем, его люди никогда не выпускали из рук оружия. Далее, денежные средства у него были в избытке, и делал он то, что сам находил нужным, причем не объявлял об этом наперед в псефисмах и не обсуждал открыто на совещаниях, не привлекался к суду сикофантами, не судился по обвинению в противозаконии, никому не должен был давать отчета, – словом, был сам над всем господином, вождем и хозяином. Ну а я, поставленный один на один против него (справедливо разобрать и это), над чем имел власть? Ни над чем!» (О венке. 235. Пер. С.И. Радцига).

Мы не знаем, что именно было на уме у Филиппа в 359 г. до н. э., но, оглядываясь назад, на его правление, можно предположить, что с самого начала его намерением было подчинить Балканский полуостров и одновременно принести греческую культуру в Македонию, чтобы его родина могла быть достойна его империи. Он, видимо, понимал, что, несмотря на скудость его средств, по политическим причи-

---

¹⁹ Филипп и Александр Македонский. 1897. С. 64.

нам ни один союз городов-государств не сумеет эффективно противостоять ему. Он также сознавал, что его народ, презиравший греков, не примет добровольно греческого образа жизни и он не сможет инкорпорировать греков, как он инкорпорировал фракийцев и иллирийцев, в свою империю. Тогда он продумал иную формулу объединения – ассоциацию, в которой полисы сохраняли свое лицо, а он получал господство над ними. Поскольку это нарушало условия царского мира 386 г. до н. э., создание ассоциации вовлекло бы его в конфликт с Персией, и таким образом объединение греческих полисов под эгидой Македонии стало бы началом крестового похода греков против Персии. Такое выступление, по его представлениям, должно было пробудить национальные патриотические чувства и объединить эллинов. Чтобы сделать Македонию более цивилизованной – на взгляд эллинов, она продолжала оставаться варварской страной, – Филипп привлек к своему двору множество греков и заставил своих придворных говорить на афинском диалекте. Две проблемы были первостепенными. Афины все еще оставались могущественной морской силой, и, если бы они солидаризовались с Персией, победа Македонии была бы немыслима. Их требовалось нейтрализовать. Филипп рассчитывал завоевать Афины мирным путем, ибо они были центром эллинской культуры, на основе которой он собирался выстроить свою империю. Афины становились средоточием его устремлений.

Все более широкое использование наемников во время и после Пелопоннесской войны подорвало мощь городов-государств, обезоружив их граждан и отдав их безопасность в руки людей, которые не чувствовали никаких обязательств перед городами. Другим следствием бесконечных войн было возникновение городской плутократии и обеднение населения – то есть появление антагонистических классов, которое подрывало государственное единство городов. В Афинах следствия этих перемен были описаны Платоном: «В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять–таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову» (Государство. VIII. Пер. А.Н. Егунова).

Жизнь населения демократических Афин виделась ему так: «Изо дня в день такой человек живет, угождая первому налетевшему на него желанию: то он пьянствует под звуки флейт, то вдруг пьет только одну воду и изнуряет себя, то увлекается телесными упражнениями; а бывает, что нападает на него лень, и тогда ни до чего ему нет охоты. Порой он проводит время в беседах, кажущихся философскими. Часто занимают его общественные дела: внезапно он вскакивает, и что придется ему в это время сказать, то он и выполня-

ет. Увлечется он людьми военными – туда его и несет, а если дельцами, то тогда в эту сторону» (там же. VIII. Пер. А.Н. Егунова).

Демосфен, со своей стороны, добавляет: «Тогда народ имел смелость сам заниматься делами и отправляться в походы и вследствие этого был господином над политическими деятелями и сам хозяином всех благ, и каждому из граждан было лестно получить от народа свою долю в почете, в управлении и вообще в чем-нибудь хорошем. А сейчас, наоборот, всеми благами распоряжаются политические деятели, и через их посредство ведутся все дела, а вы, народ, обессиленный и лишенный денег и союзников, вы оказались в положении слуги и какого-то придатка, довольные тем, если эти люди уделяют вам что-нибудь из зрелищных денег или если устроят праздничное шествие на Бедромиях, и вот – верх доблести! – за свое же собственное вы должны еще их благодарить. А они, держа вас взаперти в самом городе, напускают вас на эти удовольствия и укрощают, приручая к себе» (пер. С.И. Радцига)²⁰.

Во многом из-за политической нестабильности Афин, ко-

---

²⁰ Третья Олинфская речь. 30–31. Зрелищными деньгами называлась сумма, выделенная государством для самых бедных слоев афинских граждан, чтобы они имели возможность посещать театр. Они «символизировали демократический принцип Афин, согласно которому все должны получать доступ к театральным действиям; они, по выражению Демада, были цементом демократии» (Кембриджская история Древнего мира. Т. VI. С. 222). Бедромии – праздник, проводившийся в честь Аполлона, справлялся в третий аттический месяц.

торые возглавили эллинов в их борьбе против Македонии, но также и благодаря своему военному гению Филипп сумел достичь желаемой цели. Демократия пала перед автократией, поскольку, как гидра, была многоголовой.

Амфиполь²¹ и 1-я Священная война

Мастерская дипломатия Филиппа в период между 359-м и 357 гг. до н. э. свидетельствует, что он с самого начала своего царствования умел извлекать выгоду из политических разногласий в Афинах. Осаждаемый со всех сторон, он сначала разделался с теми претендентами на его трон, которые были в зоне его досягаемости, откупился от пеонийцев, а затем двинул свои силы против претендента Аргэя, которого поддерживал мощный афинский флот, и одержал над ним победу. Затем, застав Афины врасплох, сокрушил внешнюю линию их обороны, после чего без всякого выкупа освободил афинских пленных и одновременно отказался от претензий на Амфиполь, который захватил и укрепил его брат Пердикка.

Затем он занялся реорганизацией македонской армии и довел ее численность до 600 единиц кавалерии и 10 тыс. пе-

---

²¹ Амфиполь был колонизован Афинами в 437 г. до н. э., а затем перешел к спартанцу Брасиду во время Пелопоннесской войны (424 г. до н. э.); с тех пор, несмотря на то что афиняне не переставали заявлять на него претензии, он оставался независимым городом.

хотинцев²²; покончив с этим, он обезопасил свои северные и западные границы и в результате двух военных кампаний отогнал пеонийцев и иллирийцев от Македонии и установил над ними временное господство.

Когда Филипп подкупил афинян тем, что отказался от претензий на Амфиполь, он одновременно вступил с ними в тайное соглашение: если они позволят ему напасть на Пидну – самостоятельный город, не приносивший им особого дохода, – он завоюет для них Амфиполь. Они попались на эту приманку. Филипп не имел ни малейшего намерения навсегда отказываться от Амфиполя; там находились Пангейские золотые рудники, а слитки золота и серебра были необходимы для осуществления его планов. Итак, разобравшись с пеонийцами и иллирийцами, он двинулся маршем на Амфиполь, в котором до того, как вывести гарнизон Пердикки, предусмотрительно организовал промакедонскую фракцию – пятую колонну – вот она – то, несмотря на героическое сопротивление граждан Амфиполя, и сдала ему крепость. Затем он захватил Пидну и Потидею и, чтобы убедить олинфян не обращаться за помощью к Афинам, отдал Потидею им. Так разными средствами, на что он был мастер, он получил золотые рудники, которые приносили ему ежегодный доход в 1000 талантов, а заодно леса горы Пангей, обеспечившие его древесиной для постройки флота; изолировал Олинф, кото-

---

²² Диодор. XVI. Задача реорганизации армии встала перед ним вскоре после его возвращения из Фив в 364 г. до н. э.

рый он намеревался проглотить позже, и не оставил афинянам ни одного города, кроме Метона, на побережье Тепло-го залива. В 357 г. до н. э., чтобы сделать своим союзником Неоптолема Эпирского и обезопасить юго-западную границу Македонии, он женился на его дочери Олимпиаде. Летом 356 г. до н. э. она родила ему сына, которого назвали Александром.

Карта 1. Греция

Фиванцы, обретя на короткое время контроль над Амфикинией, чтобы отомстить фокийцам, которые сражались на стороне Спарты в сражении при Левктрах, через совет передали угрозу, что, если фокийцы, во главе которых тогда стоял Филомел, не заплатят выкуп за возделывание земли возле Дельф, в области, посвященной Аполлону, им будет объявлена война. Фокийцы отказались платить, и осенью 355 г. до н. э., когда Фиванцы объявили войну Амфикинии, Филомел, поддержанный Афинами, Спартой и Аханией против коалиции Беотии, Локриды и Фессалии, оккупировал Дельфы, захватил хранившиеся там сокровища и на эти деньги собрал войско наемников. Так началась 1-я Священная война IV столетия до н. э., которой Филипп со свойственными ему коварством и хитростью воспользовался, чтобы нарушить баланс сил в Греции.

Филомел одержал победу над фессалийцами, но был убит и разрезан на части беотийцами, и ему наследовал Ономарх. Филипп тем временем не бездействовал; наблюдая за Фессалией, он пользовался смутой, чтобы разжигать раздоры среди фессалийцев. Фессалийский тиран Ликофрон обратился за помощью к Ономарху, который выслал ему на подмогу войско во главе со своим братом Фаиллом. Когда Филипп одержал победу над Фаиллом, Ономарх выслал всю свою ар-

мию на поддержку Ликофрона и одержал победу над Филиппом в двух сражениях. Филипп удалился в Македонию, как он выразился, «как баран, чтобы в другой раз бодаться сильнее» (Кембриджская история Древнего мира. Т. VI. С. 220). Убрав Филиппа с дороги, Ономарх весной 352 г. до н. э. вторгся в Беотию, но вскоре был отозван в Фессалию, чтобы противостоять Филиппу, который в перерыве между войнами убедил фессалийцев отказаться от взаимной вражды и выступить вместе с ним против храмовых грабителей. Затем последовало сражение, которое Ономарх проиграл и в котором он был убит. Тем временем Филипп занял Феру и установил контроль над Фессалией. Однако когда летом 352 г. до н. э. он пошел походом на Фермопилы, чтобы обеспечить себе проход в Центральную Грецию, он обнаружил, что пробудившиеся наконец афиняне выслали туда отряд, чтобы его задержать. Филипп, не желая открыто конфликтовать с Афинами, возвратился в Македонию. Осенью он отправился на побережье Фракии и там заболел.

Именно во время этой войны главный антагонист Филиппа Демосфен (384–322 гг. до н. э.) появился на политической сцене. Красноречивейший из ораторов, хитрый политик, умело тасовавший факты ради достижения своих целей, он также был беспринципным демагогом и, распалившись, не стеснялся поливать грязью своих оппонентов. О своем сопернике Эскине, которого он называл подлым существом, клеветником и ябедой, он говорил: «А этот человечиска,

кроме того, и от природы лиса, отроду не делавший ничего порядочного и благородного, настоящая трагическая обезьяна, деревенский Эномай, ложный оратор» (О венке. 242, 129. Пер. С.И. Радцига). С другой стороны, Демосфен был большим патриотом и его вера в Афины как оплот свободы была безгранична; Македонию он считал варварской страной²³. Он выступал за гражданскую автономию против автократии Филиппа; но, хотя жил в Афинах IV в., он думал и говорил так, будто это были Афины Перикла.

Пытаясь противостоять Филиппу, он убеждал афинян осознать опасность и выставить армию, готовую сражаться там, где необходимо. Он поносил их за то, что они не хотели рисковать своими шкурами в войне и не хотели пожертвовать своими кошельками и собрать армию наемников, которая сражалась бы за них. В 351 г. до н. э. он ругал их такими словами: «Вот и вы, если узнаете, что Филипп в Херсонесе, туда постановляете отправить помощь; если узнаете, что он в Пилах, и вы туда; куда бы он ни пошел, вы бегаете вслед за ним туда и сюда и даете ему начальствовать над вами, но сами не нашли никакого полезного решения относительно войны и до событий вы не предвидите ничего, пока не узнаете, что дело или уже совершилось, или совершается. А сейчас у вас дела дошли до такого позорного состояния,

---

²³ Третья Олинфская речь. 24. Полибий (XVIII, 14) пишет о нем: «Человек, который измеряет все, исходя из интересов своего отдельного государства, и думает, что взгляды всех греков должны быть устремлены на Афины».

что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью, с врагами же ни один из них не имеет решимости хоть раз сразиться с опасностью быть убитым, – но будущее нам нужно предугадывать, надо знать хорошенько, что вам будет плохо, если вы не будете относиться к делу с вниманием и не пожелаете выполнять необходимых мероприятий» (1-я Филиппика. Пер. С.И. Радцига).

Тем временем Священная война закончилась ничем. В 350 г. до н. э. фиванцы, теперь уже столкнувшиеся с финансовыми трудностями, обратились к Артаксерксу III (358–338 гг. до н. э.) за денежной помощью; он живо откликнулся и послал им 300 талантов. Затем в следующем году олинфяне, хотя они раньше обещали не вести никаких дел с Афинами через голову Филиппа, обратились к Афинам и Демосфену, подначивая афинян выступить против Филиппа. Афины откликнулись на призыв, заключили союз с Олинфом и послали ему на помощь не слишком подходящее для этой цели войско. Затем, вероятно вследствие интриг Филиппа, афиняне были вовлечены в дела Эвбеи. Когда они попали в эту ловушку, Филипп летом 348 г. до н. э. двинулся на Олинф, и город сдался ему благодаря предателям, которых он заранее там разместил. После этого он мог обратить свою силу против Фракии и, перед тем как вторгнуться в Центральную Грецию, выразил столь горячее желание мира и такое дружеское расположение к Афинам, что Афинское собрание его

приветствовало, начав с ним переговоры, и в 346 г. до н. э. по предложению Филократа направило посольство в Пеллу, которое было благосклонно принято Филиппом. По условиям мирного договора было достигнуто согласие в том, что Филипп оставит за собой Амфиполь и не будет вмешиваться в дела Херсонеса, пока они не касаются Кардии – союзника Македонии; и, хотя посольство и хотело спасти фокийцев, Филипп отклонил их просьбы, поскольку уже решил, как ему поступить в данном случае. Посольство возвратилось в Афины, и условия были приняты народным собранием. На имея другого выбора, кроме как принять поставленные условия или продолжать войну, афиняне и их союзники проголосовали в пользу мира; затем посольство вновь направилось в Пеллу, чтобы заручиться клятвенным обещанием Филиппа и его союзников, и, получив его, отправилось обратно. Однако послы еще не достигли Афин, когда пришло известие, что Филипп вторгся в Фермопилы. Собрание, немного этим смущенное, поблагодарило Филиппа и обратилось к фокийцам с призывом отдать храм Аполлона жителям Амфиктионии и разоружить их армию. Но тут внезапно пришла весть о том, что Фалек, стоявший во главе армии фокийцев в Фермопилах, пропустил Филиппа. Это вызвало панику в Афинах, и в третий раз послы поспешили в Пеллу, чтобы улестить Филиппа всеми возможными способами. Либо Фалек исчерпал свои средства и не мог долее содержать отряд наемников, либо – что более вероятно – был подкуплен Филиппом.

Судьба фокийцев решилась на Совете Амфикионии. Их города сровняли с землей, они обязывались ежегодно выплачивать средства в счет возмещения тех сокровищ, которые они захватили; а их голоса в Совете Амфикионии были переданы Филиппу, которому предоставили честь быть председателем на открывающихся Пифийских играх.

Панэллинская программа Исократ

Из-за того, что между городами-государствами постоянно тлела междоусобная вражда, а их внешняя политика определялась эмоциональными выступлениями в Совете, – Филипп, искусный в ведении войны и последовательный в проведении внешней политики, – сумел превратить Македонию из темного полуварварского государства в ведущую мощную державу. Настолько велики были его достижения, что в год его триумфа Исократ, к этому времени уже девяностолетний старец, обратился к тезисам своего «Панегирика» 380 г. до н. э. и в «Филиппике» предложил Филиппу Панэллинскую программу.

«Мы воюем друг с другом из-за пустяков, – писал он, обращаясь к Филиппу, и добавлял, что для Эллады нет иного пути жить в мире, «кроме желания ведущих государств прекратить взаимные недоразумения и ссоры и перенести войну в Азию. Поэтому, – продолжал он, – я намереваюсь посове-

товать тебе стать хранителем гармонии²⁴ в Элладе и вождем военной экспедиции против варваров (то есть персов). Употребляй убеждение в одних случаях и примени силу в других; однако те, кто мыслят трезво, не должны начинать войны в стране царя, пока кто-нибудь не замирит эллинов и не заставит отказаться от их теперешней глупости».

Он призывал Филиппа не обращать внимания на тех, «кто бесчинствует с трибун (то есть ораторов) и кто рассматривает мир, который идет на пользу обществу, как ущемление собственных личных интересов», но действовать так, чтобы «заслужить доверие эллинов и устрашить врагов». Он полагал, что если будет установлен прочный мир между главными государствами – Афинами, Спартой, Фивами и Аргосом, то более мелкие полисы вынуждены будут последовать их примеру.

Исократ иронически отзывался о кажущемся могуществе персов, говоря об экспедиции Кира и Клеарха: «Все согласны, что они нанесли сокрушительное поражение всему войску Царя, как если бы они сражались против персидских женщин». Он напоминает Филиппу, что ему не придется искать людей для военной службы, ибо «таково положение Эллады, что легче набрать лучшее и более сильное войско из странствующих бродяг, чем из оседлых граждан».

---

²⁴ Следует иметь в виду, что Исократ не оговаривал условий политического мира в Греции во главе с Филиппом. Он призывал к объединению, которое подразумевало согласие между государствами, условиями которого было устранение взаимного антагонизма.

Он играет на самолюбии Филиппа, вспоминая деяния Геракла, и особо подчеркивает его «умственное превосходство»; Геракл, указывает он, «превосходил всех своих предшественников не столько силой, сколь мудростью, добрыми устремлениями и справедливостью». «Попытайся, – пишет он, – стать похожим на него, ибо тебе необязательно искать примеры в чужих странах, обратись к примеру собственных своих предков». После этого он вновь призывает Филиппа стать, как его предок, умным и дружески расположенным к людям, каковое расположение он уже проявил в отношении эллинов.

Памфлетист полагает, что для того, чтобы завоевать Персию, Филиппу следует сначала освободить покоренные ионийские города: «Обещай им свободу, и пусть твое слово облетит всю Азию и взорвет нашу империю, так же как и империю лакедемонян». Покончив с этим, советует он далее Филиппу, надо разрушить все персидское царство, а если не получится, то, по крайней мере, отобрать у персов как можно больше территории, затем построить города на всем завоеванном пространстве и заселить их колонистами из числа тех, кто сейчас бродит по Греции в поисках пропитания и страшит всех, кто им встретится. «Если мы не предоставим им надлежащих условий для жизни, их количество будет все возрастать и они станут для эллинов несчастьем еще большим, чем варвары. Их надо поселить на границах Эллады, чтобы они стали барьером для внешних вторжений».

Он призывает Филиппа воспринимать Элладу как отчизну, как это делал Геракл – отец его народа. Наконец, он советует ему править милостиво, поскольку «жестокость равно прискорбна для тех, на кого она направлена, и для того, кто ею пользуется; надо помнить, что тела наши смертны, однако молва и слава переживают смерть, и на тех, кто прославился своим величием, люди смотрят как на полубогов».

Византий и 2-я Священная война

Не успели афиняне покончить с очередной войной, как жесточайший раздор вспыхнул в Афинах; Филократа судили за измену, а Демосфен обвинил в коррупции Эсхина. Позже, говоря об этом периоде (О венке. 61), Демосфен винил Филиппа в том, что он играл на борьбе и несогласии партий; он так и не понял, что эти разногласия вызвал он сам и ему подобные. Теперь политическая нестабильность в городе делала его уязвимым, и, как отмечает Парк²⁵, присутствие наемников и их готовность продавать себя способствовали всякого рода переворотам. Филипп же стремился создать промакедонские партии во всех городах, настроенных к нему враждебно; ситуация постоянной внутренней угрозы нашла свое отражение в написанном примерно в то время

---

²⁵ Парк Х.В. Греческие наемники с ранних времен до сражения при Иссе. 1933. С. 95

Энеем Тактиком «Учебнике по военному делу»²⁶. Более половины содержания этой книги посвящено предотвращению измены и «экспорту революций» в городах; с современной точки зрения в условиях «холодной войны» ее рекомендации можно считать полезными.

В то время как афинские ораторы соревновались во взаимных оскорблениях, Филипп в последующие три года обратил свои усилия на племена, жившие на его границах, с тем чтобы действовать с развязанными руками в тот момент, когда он сможет осуществить свой основной замысел. Самый большой успех ожидал его в Фессалии; там в 344 г. до н. э. по свободному волеизъявлению граждан он был выбран пожизненным правителем. Тем самым в его распоряжении оказалась лучшая кавалерия Греции.

Теперь, когда Фессалия принадлежала ему, он обратил свой взор на внутреннюю Фракию, и афиняне справедливо усмотрели в этом угрозу их зерновому пути из Геллеспонта²⁷. Чтобы сохранить этот путь подвоза зерна, в 343 г. до н. э. афинские поселенцы были направлены в Херсонес; однако вскоре по прибытии они оказались втянуты в ссору с

---

²⁶ Перевод в лёбовской серии (Лёб Классикл Лайбрэри, 1933). Особенно II, III; X, 20.

²⁷ Демосфен пишет в своей речи «О венке» (87): «Тогда он стал искать другой опоры в борьбе против нашего государства. Он видел, что мы более всех людей пользуемся хлебом привозным, и потому, желая овладеть подвозом хлеба, прошел во Фракию и стал требовать, чтобы византийцы, бывшие его союзниками, приняли участие в войне против нас». (Пер. С.И. Радцига.)

народом Кардии, города промакедонской ориентации, который был вынесен из сферы влияния Афин по договору Филократа. В 341 г. до н. э. Демосфен, который в основном и раздул эту ссору, в своей 3-й Филиппике объявил настоящий словесный крестовый поход против Филиппа, и, что было еще более действенным, посетил Византий и завоевал симпатии его граждан.

Филипп был возмущен такой враждебностью и обратился за помощью к Перинфу и Византию – номинальным своим союзникам, а когда получил отказ – осадил Перинф. Поскольку эта осада представляла угрозу для Боспора, а соответственно и для всей Малой Азии, Артаксеркс приказал Аристу, сатрапу Геллеспонтинны Фригийской, поддержать жителей Перинфа, и им на помощь было отправлено большое войско наемников под командованием афинянина Аполлодора: таким образом Персия открыто выступила против Филиппа. Выяснив, что Перинф – слишком крепкий орешек, Филипп отвел оттуда войска и осадил Византий; однако афиняне выслали два отряда на помощь городу, и Филипп, не в силах воспрепятствовать афинянам помогать осажденным с моря, снял осаду и отказался от попытки захватить город. Чтобы сохранить лицо, он выслал карательную экспедицию против скифских племен в Добрудже и в начале 339 г. до н. э. возвратился в Македонию.

Филиппу недолго пришлось ждать возможности отомстить за двойное поражение на Пропонтиде – на обратном

пути домой его настигло известие о начале 2-й Священной войны; на этот раз обвинялись локрийцы Амфиссы в незаконном использовании священной земли Аполлона. Вначале Совет Амфиктионии обратился к Фивам и Афинам, но, не получив поддержки, попросил Филиппа наказать локрийцев. Это пришлось столь кстати, что некоторые историки считают, что это приглашение было спровоцировано самим Филиппом. Он немедленно откликнулся на призыв; но вместо того, чтобы направиться в Амфиссу, занял и разрушил крепость Элатеи, располагавшуюся на пути в Западную Беотию, и оттуда послал посольство фиванцам, приглашая их присоединиться к нему в походе на Аттику.

Когда весть о занятии Филиппом Элатеи достигла Афин, их жители настолько испугались, что по совету Демосфена направили делегацию в Фивы с предложением военного союза против Филиппа. Посольство выполнило свою миссию, и войско афинских наемников во главе с Харом поспешило на помощь Фивам, державшим проход из Беотии в Фокиду. Филипп не предпринимал никаких решительных действий до лета 338 г. до н. э., когда он нанес молниеносный удар по Амфиссе, одержал победу над Харом и захватил Навпакт (Лепанто) в Коринфском заливе. Поскольку теперь над южным флангом союзной армии нависла угроза, союзники отвели войска и сосредоточили их в Херонее. Затем Филипп вернулся в Элатею, прошел через перевал Парапотамии (в семи милях южнее Элатеи) и 2 августа или 1 сентября встре-

тился с вражеским войском. Филипп имел в своем распоряжении 30 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников; о силах союзников ничего не известно.

В расположении союзных войск фиванцы стояли на правом фланге, представители мелких городов – в центре и афиняне на левом фланге. У македонцев Филипп принял командование на правом фланге, отдав командование левым флангом своему восемнадцатилетнему сыну Александру. Об этом сражении мало что известно, однако похоже, что Филипп применил ту же тактику или, во всяком случае, осуществил ту же идею, что и Эпаминод в сражении при Левктрах. Рассказывают, что вначале Филипп отступил, выманив афинян вперед, – его маневр столь смутил афинского полководца, что он начал преследование²⁸. Одновременно Александр стремительно атаковал фиванцев и после жестокой схватки прорвал строй. Затем Филипп начал наступление и, прорвав линию обороны афинян, стал продвигаться к левому флангу, в то время как Александр продвигался вправо, и таким образом они полностью сокрушили центр союзной армии. В войске началась паника, многие бежали, в том числе Демосфен.

Херонейское сражение было решающим; на поле битвы – где до сих пор возвышается курган, под которым лежат пав-

---

²⁸ То, что Филипп сумел осуществить этот маневр, показывает, насколько дисциплинированы и обучены были его войска; для гоплитов было очень непросто отступить перед лицом наступавшего врага, развернуться и начать наступление.

шие македонцы, – прозвучал погребальный колокол по независимости полисов.

Когда бежавшие с поля сражения принесли вести в Афины, город охватил ужас, однако страхи жителей были безосновательными, поскольку для войны в Персии Филиппу требовалось их согласие и, более всего, поддержка их флота. Филипп был уступчив, если не сказать – щедр²⁹. Его условия были таковы: он гарантировал, что не станет вторгаться в Аттику и оставит Афинам Эгейские острова; однако требовал уступить ему Херсонес, в компенсацию за который афиняне могли получить беотийский город Ороп. Афинский Союз должен был быть распущен, а Афины становились союзником Македонии. Далее, чтобы умиротворить Афины, Филипп отпустил без выкупа афинских военнопленных, а также направил в город посольство во главе с Александром и Парменионом, которые доставили туда тела воинов, павших в битве при Херонее. Такое великодушие настолько удивило афинян, что в знак признательности они предоставили афинское гражданство Филиппу и его сыну, а также воздвигли статую Филиппа на агоре. Однако с Фивами Филипп

---

²⁹ «Популярность Филиппа среди афинян после его победы над афинянами при Херонее была рождена не столько превосходством его армии, сколько справедливостью и гуманностью. Его победа на поле битвы дала ему власть лишь над теми из афинян, кто непосредственно выступал против него; в то же время его справедливость и умеренность принесли ему полное признание жителей Афин. Ведь он не позволил себе высказывать свои пожелания в оскорбительной и грубой форме; он сложил оружие, как только обнаружил, что может выказать умеренность своего характера и честность намерений» (История Полибия).

обошелся более жестоко, их настроенные против Македонии правители были казнены, взятые в плен воины проданы в рабство, их гегемонии в Беотии пришел конец, а в Кадмее (фиванской цитадели) расположился македонский гарнизон.

Коринфский конгресс

В течение двадцати лет Филипп вынашивал планы господства над Грецией, но, в отличие от большинства завоевателей, он понимал, что без согласия покоренного народа его империя будет лишь призраком. Ради достижения этого согласия он решил найти компромисс между привычной ему политикой силы и Исократовой «панэллинской программой» и, чтобы облачить свою власть в легальные одежды, призвал все греческие государства послать своих представителей в Коринф для ознакомления с его новым порядком. Согласились все, кроме Спарты.

В конце 338 г. до н. э. собрался конгресс, ставший высшим достижением Филиппа в области государственного строительства. Он действительно оказался очень важным, поскольку на его решениях впоследствии строились отношения с Грецией Александра. Для начала Филипп изложил перед делегатами свою программу, но лишь как предложения для обсуждения. Он избрал такую осторожную тактику, поскольку ему надо было завоевать симпатии греков. Основные пункты соглашения были следующие.

Между Грецией и Македонией заключался постоянный договор о совместном ведении военных действий и оборонительный союз. В Греции в целях исполнения этого договора создавалась Эллинская лига, представленная синедрионом, или Федеральным советом, в который отдельные государства посылали своих представителей в соответствии с военной мощью каждого. Сессии Федерального совета должны были проходить либо в Коринфе, либо в местах проведения общенациональных праздников. Текущие дела совета вели пять членов; поскольку Македония не входила в лигу, Филипп не числился среди этих пятерых исполнительных лиц. Он получал пост генералиссимуса военных сил лиги и оставался таковым пожизненно. Каждого члена лиги должны были защищать объединенные союзные силы. Существующие общественные структуры не менялись и с государств не требовалось никаких податей. Федеральный совет одновременно исполнял роль верховного трибунала, в его власти было назначать такое наказание изменникам, какое он сочтет нужным; в случае объявления войны гегемон (верховный главнокомандующий) будет определять контингент, который должен выставить каждый из участников, и вести войну на стороне лиги.

Предложения по установлению всеобщего мира также были изложены в договоре. Они включали в себя следующие пункты:

- 1) мир между лигой и Филиппом устанавливается каждым

участником и скрепляется клятвой, исключаящей попытку свергнуть монархию Филиппа или его наследников;

2) внутренний мир между государствами скрепляется клятвой между участниками. Пиратство запрещается, а свободное морское плавание осуществляется под охраной союза;

3) внутренний мир каждого государства скрепляется клятвой каждого из них не нарушать государственный порядок своей страны, и жителей, которые посягнули на законы государств, ждет суровое наказание, равно как и тех, кто готовит заговор или сотрудничает с иноземным государством против лиги или Филиппа³⁰.

Таким образом, благодаря государственной политике Филиппа – практически не имеющей параллелей в истории – все эллины Греции, кроме спартанцев, были объединены в единую греческую федерацию.

После единодушного принятия договора делегаты разъехались по своим странам, были проведены выборы, и в начале лета 337 г. до н. э. состоялось первое заседание Федерального совета в Коринфе. Там Филипп изложил свой план войны против персов. Хотя для него эта война имела целью укрепление его собственного могущества, он понимал, что такая цель вряд ли вызовет сочувствие членов лиги, поэтому

---

³⁰ Эти правила в особенности должны были способствовать прекращению раздоров между городами и остановить поток греческих наемников на службе у персов.

провозгласил, что это будет месть за поруганные Ксерксом святыни греческих богов; религиозная война, или крестовый поход, который, как он понимал, должен объединить греков. Он не ошибся. Представители проголосовали за войну и назначили Филиппа верховным главнокомандующим с неограниченной властью. Филипп возвратился в Македонию и весной 336 г. до н. э. выслал через Геллеспонт отряд в 10 тыс. человек под командованием Пармениона и Аттала, чтобы они захватили плацдарм в Азии и поспособствовали отпадению азиатских греков от Персии. Это было объявлением войны. Но судьба распорядилась так, что Филипп не сумел исполнить свои замыслы.

Охваченный страстью к Клеопатре, племяннице Аттала, он оставил Олимпиаду и сделал Клеопатру своей законной женой. Поскольку это угрожало правам Александра на престол, последовала бурная семейная ссора. Олимпиада удалилась к своему брату Александру, правителю Эпира, а Александр, вероятно чтобы поднять иллирийцев против Филиппа, отправился в Иллирию. Поскольку Филиппу невыгодно было враждовать с ближайшими соседями – Эпиром и Иллирией, – миротворческую миссию взял на себя Демарат из Коринфа. Александр вернулся в Пеллу, а дочь Филиппа от Олимпиады, также по имени Клеопатра, была предложена в жены своему дяде Александру, правителю Эпира. Летом 336 г. до н. э. Филиппа заколол на ее свадьбе Павсаний, знатный молодой македонец, у которого были личные сче-

ты с Атталом. В заговоре участвовали и другие, и из-за того, что случилось, подозрение пало на Олимпиаду. Была ли она виновна, неизвестно, но все сходится на том, что Александр точно не был причастен к убийству отца, хотя его враги утверждали обратное.

Глава 2

Македонская армия

Военное дело греков до Филиппа

Александр унаследовал от отца самую организованную, обученную и хорошо оснащенную армию из всех существовавших в античном мире. Это был шедевр Филиппа, и гениальность, с которой он ее создавал, можно оценить, если рассмотреть медленный и случайный прогресс в организации военного дела до времени Филиппа.

В героический период греческой истории воевала знать. Они прибывали на поле битвы на своих колесницах, спешили и вызывали друг друга на бой, в то время как их плохо вооруженные подданные оставались в стороне и поощряли их криками; сражение, таким образом, становилось фактически выражением личной доблести. Такой вид боя, требовавший от воина подвижности, предполагал вариант легкого вооружения. Для защиты воин использовал круглый щит с рукояткой в центре; к нему был прикреплен ремень, застегивавшийся на шее, чтобы в случае отступления он мог переместить щит и закрыть спину. Его оружием были одно или два легких копья и меч; он бросал копье в противника, а если не мог повергнуть его, продолжал сражаться мечом. Лук

считался оружием трусов и редко использовался.

В начале VII в. подобные единоборства уступили место групповому сражению. Материальный достаток и усовершенствование техники литья, которые сделали вооружение более дешевым, способствовали тому, что теперь уже обычные люди могли обзавестись доспехами и оружием: в число необходимых входили металлический шлем, нагрудные пластины, наколенники, набедренные пластины, щит, меч и копье. Эти перемены способствовали тому, что теперь война стала делом более демократичным³¹, и простые зажиточные граждане и знать чувствовали себя на равных на поле битвы. Они стали гоплитами (тяжело вооруженными копьеносцами) и сражались не в одиночку, а в строю. Копье перестало быть метательным оружием и стало использоваться для ударов при прорыве; щит увеличился в размерах и закреплялся на левом предплечье петлей, через которую продевалась рука, и для руки же с краю щита имелась выемка. Шейный ремень больше не использовали, очевидно потому, что в строю это было смертельно опасно.

С ростом количества воинов рождалась и армия, и с этого

---

³¹ См. Аристотель. Политика. 1297 б. «Знаменательно, – пишет Барн, – что в Фессалии, где не была введена система гоплитов и всадники были ядром войска, демократические идеи никогда не сумели пробиться» (История Греции. 1951. С. 129). Подобно пике гоплита, мушкет также был «демократичным» оружием; это заметил Кондорсе, который в своей работе «Исторический прогресс духа гуманизма» связывает возникновение демократии с возникновением современной пехоты.

момента два фактора обуславливали тактику ведения военных действий и военную организацию – городские стены и поля, их окружающие.

До изобретения осадных орудий городские стены были фактически неприступны, и обычным средством при осаде было заморить жителей голодом или воспользоваться услугами предателей. Первое означало блокаду, и, поскольку возможности доставки подкрепления осажденной армии были минимальны (если не считать городов, которые располагались на побережье и могли получить помощь с моря), осада, как правило, длилась недолго. Кроме того, до распространения наемничества предательство и измена в осажденных городах случались нечасто. Однако нападения на поля, окружавшие городские стены, были действенным средством, чтобы заставить жителей покинуть городские стены и сражаться на открытой местности. Обычно неприятель захватывал поля и либо уничтожал урожай и скот, либо присваивал их. Это означало, что воевали, как правило, только в летние месяцы, когда поспевал урожай и скот выгоняли на пастбища.

Поскольку на зиму войны прекращались, постоянная армия не требовалась, и воины редко были профессионалами, но чаще ополченцами, призывавшимися во время ведения военных действий. Простейшей армейской единицей была фаланга³², строй копьеносцев, по восемь–десять рядов, а

---

³² Проф. А. Эндрюс считает, что, вероятно, Федон из Аргоса вскоре после 675 г. до н. э. впервые использовал тактику сражения гоплитов в фаланге. (Гре-

вся тактика заключалась в бросании пик. Фаланга выступала против фаланги, и победители, собрав трофеи на месте битвы, разоряли вражеские поля и убивали скот или, что более выгодно, забирали урожай и животных себе.

Пока фаланга держала строй, что было возможно только на равнине, она, как говорит Полибий, «была непобедима в ближнем бою» (о точке зрения Полибия на этот вид построения см. XVIII). Однако на пересеченной местности она быстро рассыпалась. К ее недостаткам следует прибавить также ее неспособность быстро перестраиваться или осуществлять организованное преследование. Подобно стенобитному оружию, она служила единственной цели – прорвать неприятельский строй.

Из всех городов-государств Спарта была более всех готова к ведению войны, и на то имелось две причины. Первая состояла в том, что Спарта оставалась монархией, и следовательно, менее подвержена внутренней смуте, столь характерной для эллинских демократий и олигархий; вторая причина, что по общественному устройству она представляла собой военный лагерь, как некогда объяснял Ксерксу изгнанный спартанский царь Демарат: «Правда, они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ – те-

---

ческие тираны. 1956. С. 40—1). В Азии фаланга была древней военной единицей, она изображена на шумерской стеле в Лагаше в начале третьего тысячелетия до н. э.

бя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать перед любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (пер. Г.А. Стратановского)³³.

Из-за того что спартанцы полагались на своих гоплитов, они не возводили укреплений вплоть до II в. Автохтонное население было низведено до уровня илотов (рабов) либо периэков (провинциалов), и, хотя последние обладали некоторой самостоятельностью, они обязаны были участвовать в войнах, которые вела Спарта. Это означало, что профессионально обученное спартанское войско дополнялось силами ополчения. В сражении при Платеях в 479 г. до н. э. 5 тыс. спартанских гоплитов, организованных в пять отрядов, поддерживались 5 тыс. периэков. До прихода Филиппа Спарта была единственной в Греции страной, которая держала свое население под ружьем в постоянной готовности.

---

³³ Геродот. VII. Кроме Спарты, все греческие гражданские войска подчинялись гражданской дисциплине, что лишало полководца возможности утвердить свою власть, и, поскольку его выбирали его же граждане, как горожанин, он опасался прослыть непопулярным благодаря слишком суровым мерам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.